

Ж.М. Юша

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая

Аннотация: В статье анализируется современное состояние фольклорной традиции у тувинцев Китая. Рассмотрен жанровый состав тувинского фольклора, охарактеризовано бытование фольклорных жанров, специфика их функционирования, выявлены степень сохранности обрядового фольклора и новации в песенной культуре.

The paper analyzes the present-day state of the folklore tradition of Tuvinians of China, describes the genres of Tuvinian folklore, their history, the specificity of their functioning, and reveals the vitality degree of the ritual folklore as well as the innovations in the song culture.

Ключевые слова: тувинский фольклор, тувинцы Китая, Синьцзян-Уйгурский автономный район, бытование фольклора, специфика функционирования фольклорных жанров.

Tuvinian folklore, Tuvinians of China, Xinjiang Uygur Autonomous Region, history of folklore, specificity in the functioning of folklore genres.

УДК: 398

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел.: (383) 3301452. E-mail: folklor@ngs.ru.

Тувинцы Китая – малочисленная этническая группа, компактно проживающая в Алтайском аймаке Ил-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района вместе с представителями семнадцати других национальностей: китайцами, дунканами, казахами, монголами, уйгурами, урянхайцами и др. народностями. Местами компактного проживания тувинцев являются населенные пункты: Ак-Хаба, Ханас, Хом, Кок-Догай, Тамыкы, Алахак, а также города Хаба, Бурчин, Алтай, где представлена тувинская диаспора. Территория проживания тувинцев граничит на юге – с Россией, на западе – с Казахстаном, на востоке – с Монголией.

В настоящее время численность этнических тувинцев Китая составляет около 2500 человек. Самоназвание тувинцев варьируется: *кок-мончак*, *мончак* или *алдайдывазы* (алтайские тувинцы). Из-за малочисленности их в паспортах записывают как монголов, что затрудняет установить реальное количество. Проживающие здесь народности считают тувинцев *кок-мончаками* или монголами [Юша, 2012, с. 24]. Тувинцы не имеют своей письменности, их дети обучаются в монгольских или казахских школах, с обязательным изучением государственного языка – китайского [Там же, с. 25].

К сожалению, фольклор китайских тувинцев до настоящего времени не собирался и не изучался, поэтому невозможно провести сравнительное исследование современного состояния фольклорной традиции с тем, что было раньше, несколько десятилетий или веков назад. Наш материал, записанный у китайских тувинцев в 2010 – 2012 гг., репрезентирует жанровое своеобразие устного народ-

ного творчества в том виде, в каком мы застали эту фольклорную традицию на сегодняшний день. Высказывание теоретика-фольклориста С.И. Неклюдова: «Жанровая система в архаических традициях имеет ритуально-мифологическую обусловленность» [Неклюдов], можно отнести и к традиционному фольклору тувинцев Китая.

До настоящего времени в духовной жизни китайских тувинцев богатое устное народное творчество, передающееся из поколения в поколение, играет большую роль. Фольклор китайских тувинцев действительно является устной народной традицией, сохранившейся и бытующей только в памяти их носителей. Наблюдается преемственность фольклорной традиции, живое бытование многих жанров, которые относятся к архаической форме фольклора.

В системе жанров тувинского устно-поэтического творчества выделяются: *бурун хоочу* (миф), *туукухоочу* (предание), *тоол* (сказка, героическое сказание), *алгыш-йөрээл* (благопожелание), *мактал* (восхваление), *ыр* (народная песня), *согаатканыр* (авторская песня), *мал алзыры* (мелодия приручения приплода домашних животных к самкам), *дывызык* (загадка), *чечен*, *улегерсөс* (поговорка и поговорка).

На современном этапе записать мифы на космогонические и этиологические темы гораздо сложнее. Эти мифологические рассказы нам пришлось собирать буквально «по крупичкам». Многие информанты даже удивлялись, зачем нам записывать такие «наивные знания» в век тотальной глобализации. При записи мифологических текстов о сотворении мира, людей, описания внешности мифологических персонажей, информантами часто употребляются фразы «*кара-амнакорбээн мен, кулаамнадыннаан мен*» (глазами не видел, ушами слышал). В отличие от молодежи, не верящей в «достоверность» мифологических повествований, только от пожилых людей нам удалось услышать и записать уникальные тексты, отражающие древние мифологические воззрения тувинцев о происхождении Вселенной и появлении жизни на земле. Например, «Миф о сотворении человека», «О происхождении Вселенной», о духах-хозяевах местности, о звездах и созвездиях, о вертикальной структуре Вселенной, о верховном божестве Курмусту, о владыке Нижнего мира Эрлик-Ловун-хане, «О потопе», о Челбеге, о злых духах Среднего мира (*ак алмыс, бук, чес-тыртак*). Кроме этого, широко бытуют многочисленные варианты устных рассказов, повествующих о возникновении разнообразных инструментальных наигрышей, исполняемых на национальном инструменте – *шооре*. Так, к шести мелодиям *шоора* имеются устные рассказы, объясняющие о происхождении этих наигрышей. Вербальные компоненты этих рассказов (чаще в усеченной форме), являющиеся монологической речью главных персонажей повествования, либо сосредоточением основной мысли всего текста, используются в ритмической структуре инструментальных наигрышей. В этих шести мифах события излагаются как достоверные, происходившие на самом деле. Их характерной особенностью является отсутствие диалогов, наличие монологической речи персонажей. Законом повествования часто является ссылка на давние времена (*шаанда* – давно, *бурун* – раньше, *шаг-шаанда* – давным-давно).

Генеалогические предания повествуют о происхождении некоторых родоплеменных тувинских групп: *иргит, хэйук, чаг-тыва, кара-сал*. Многочисленные варианты исторических преданий представлены циклом рассказов об Амыр-Сане (Амурсана), имеющего титул хун-тайджи, реального исторического персонажа, жившего в XVIII веке в Джунгарии, восставшего против власти маньчжуров. Необходимо отметить, что Амыр-Санаа является героем фольклора монголов, тувинцев, хакасов, алтайцев. Каждый из этих народов считает Амыр-Сану своим героем и ждет его появления на своей территории. По фольклорным источникам российских тувинцев считается, что Амыр-Санаа после своего поражения бежал в Россию. У китайских тувинцев находим и другие варианты, где Амыр-Санаа

после поражения уезжает в Америку. Предания про Амыр-Сануу тувинцев Китая имеют территориальные особенности. Так, в южных селах Ак-Хаба, Ханас, Хом личность Амыр-Саны интерпретируют с реальным топонимом – горой Болбаадай, где он, якобы потерпел сокрушительное поражение. Считают, что именно из-за этого события стали называть гору Болбаадай (букв. «не получилось»). Тувинцы Кок-Догая, Тамыкы, находящиеся вблизи границы с Монголией, говоря про Амыр-Сану, его имя связывают со скалой, находящейся неподалеку села Тамыкы, где произошло историческое кровополитное сражение.

Особое место занимают исторические предания о бегстве тувинцев в Монголию в 30-х годах XX века в период дунганской войны в Китае, о том, как часть тувинцев обосновалась в Монголии. Историческая память народа в виде преданий сохранила и события времен гоминьдановской армии Китая, когда разрушалось все старинное: буддийские храмы, где обучались дети тувинцев, расстреливались ламы, шаманы, уничтожались предметы быта, сжигались духовные книги на тибетском и санскритском языках. Значительное место занимают топонимические предания о названии местностей, рек, озер и гор, окружающего ландшафта.

Широко бытуют предания о силачах, богатырях, обладающих необычными способностями, имеющих особое, отличное от других строение тела, не свойственные обычному человеку физические качества, о лекарях-травниках (*отчулар*), о вызывателях непогоды (*чатчылар*), о сверхъестественных способностях шаманов. Например, в одном из преданий говорится, что после смерти Силача-Чаваада люди обнаружили, что все ребра у Чаваада были сросшимися друг с другом, что, по убеждению тувинцев, свидетельствует о неимоверной физической силе человека. В настоящее время действующих шаманов нет, последний сильный шаман, живший в селе Ак-Хаба, ушел из жизни в 2002 году. Однако сохранились рассказы о великих шаманах, которые проживали в этих местах, обладающих необычным даром телепортации, провидения.

Термином *тоол* тувинцы Китая обозначают героический эпос и сказки, что характерно и для российских тувинцев. Однако по объему повествования носители фольклорной традиции выделяют *узунтоол* (букв. «длинная сказка») и *кыска тоол* (букв. «короткая сказка»), что соответствует жанрам сказаний и сказок. Раньше местными сказителями исполнялись множество героических сказаний: «*Эр-чаңгыс Эрсен-оол*» (Одинокий Эрсен-оол), «*Буга-Чарын, Бора-Шээлей*», «*Эр-Агыын*», «*Бөге-Сагаан-Тоолай*» (Силач Сагаан-Тоолай), «*Кунан-Хара-Баатыр*» (Богатырь Кунан-Хара), «*Өзерде чажы чок, өлүрде тыны чок Эр-Дуңсай*» (При взрослении не имеющий возраста, при смерти не имеющий душу Эр-Дуңсай) и др. Кроме сказаний на тувинском языке, героические сказания исполнялись и на монгольском. Например, самыми известными сказаниями были ойратский эпос «*Чаңгар*» (Джангар), монгольские – «*Кезер*» (Гэсэр), «*Хан-Хара-Баатыр*» (Богатырь Хан-Хара).

По свидетельствам информантов, героический эпос раньше исполняли в двух формах: *хоочуланьпайтыр* (речитативное исполнение) и *алганыпайтыр* (напевное исполнение). В настоящее время относящиеся к архаическому типу героические сказания «*Буга-Чарын, Бора-Шээлей*», «*Бөге-Сагаан-Тоолай*» (Силач Сагаан-Тоолай) и «*Кунан-Хара-Баатыр*» (Богатырь Кунан-Хара) исполняются одним из последних сказителей Тыдыком (74 года, род хара-тош) в форме традиционного напевного речитатива без музыкального сопровождения. Краткие же варианты этих сказаний бытуют в репертуаре молодых исполнителей в прозаической форме. Например, в репертуаре Монгунчыргала (22 года, род кызыл-соян) присутствуют сказания «*Бөге-Сагаан-Тоолай*» (Силач Сагаан-Тоолай), «*Кунан-Хара-Баатыр*» (Богатырь Кунан-Хара). Мотивы и сюжеты, общие места, традиционный зачин и концовка этих сказаний идентичны

фольклорным образцам российских тувинцев, записанным на территории Республики Тыва.

Подобно другим сказителям, жившим в 50 – 60 гг. XX века, репертуар Тыгыдыка является двуязычным (тувинский и монгольский языки). По его словам, такие монументальные произведения, как «Кезер» (Гэсэр), «Хан-Хара-Баатыр» (Богатырь Хан-Хара), он исполняет на монгольском языке. В условиях современного бытования сказительской традиции утрачены некоторые соблюдаемые запреты, характерные, по воспоминаниям пожилых людей, для исполнительской традиции тувинцев: нельзя прерывать сказание, нельзя утаивать сказание. Кроме этого, если раньше перед исполнением *узунтоол* сказители обязательно проводили обряд *саң салыр* (разжигание жертвенного костра), посвященного *тоол ээзи* (духу-хозяину сказки), то теперь этого не делают.

Продолжая тему о сказительстве, следует отметить и исполнение народных сказок на современном этапе. Так, нами записаны волшебные и бытовые сказки «Кидис тон» (Войлочная шуба), «Хууг дилги» (Хитрая лиса), «Дилгижек» (Лисенок), «Чеди сарыг өшкү» (Семь рыжих коз), «Түметей ашкиак» (Старик Түметей) от учителя, транслирующего сказительскую традицию, и ученика, получающего навыки сказительства. В качестве учителей выступили две пожилые женщины: Биликти (84 года, род хойт) и Шөөрүн (70 лет, из рода хойук). Учениками выступили внук бабушки Биликти – Мандал (13 лет, иркит) и дочь Шөөрүн – Мейхуа (37 лет, род кызыл-соян), перенявшие сказительское искусство.

Песенная традиция на сегодняшний день представлена *ырлар* и *согаатканырлар* (народными и авторскими песнями). Носителями традиции *ырлар* делятся на две группы, различающиеся интонационной напевностью: *узуныр* или *узун кара* (протяжные песни) и *кыскаыр* (короткие песни).

По функционально-тематической классификации тувинские песни можно отнести к следующим группам: *магталыр* (песни-восхваления родителей, родных мест, Чингисхана, правителей *кожууна*), *дагшаыры* (песни, исполняемые при подношении молочной водки), свадебные песни (*кенинуругаткараардаыры* – песня, исполняемая во время проводов невесты, *кудаларгаыр* – песня, посвященная сватам), *махабатыры* (любовные песни), *өвей ыры* (колыбельные песни), *элекыры* (шуточные песни), *хомудалыры* (жалобные песни), *өскүстүңыры* (сиротские песни). Среди этих песен в настоящее время редко исполняются поэтические тексты колыбельных песен- *өвей ыры*, носителями культуры часто пропеваются только «*өвей-өвей*».

Следует отметить, что *кожамык*, столь популярный жанр песенной традиции тувинцев России, у зарубежных тувинцев не имеется. Однако в *элекыры* (шуточная песня) наблюдается импровизационность на определенный напев, состязательность, не содержится четкая привязанность слов к тексту, что характерно для жанра *кожамык* у тувинцев России. Данная тема требует дальнейшего специального комплексного рассмотрения музыковедов и филологов-фольклористов.

Особую роль в песенной культуре тувинцев играют **авторские песни** на тувинском и монгольском языках, которые исполняются во время семейно-бытовых, календарных ритуалов. Основная тема авторских песен – любовь к родной земле, восхваление красот ее природы. В создании этих песен определенную роль играют фольклорные поэтические средства, образы и символика, характерная для традиционной культуры тувинцев. Среди авторитетных авторов-песенников можно назвать Солонго Шингилай Кенже Буйундука. Обычно исполнители оговаривают авторство песен *Солонгобагшының ыры* «Песня учителя Солонго», *Кенжениң ыры* «Песня Кенже». По отношению к авторским текстам существует ряд табу. Например, исполнителям запрещается переставлять строки, подбирать синонимичные слова, то есть необходимо полностью сохранить первоначальный вариант авторского текста.

Тувинская молодежь, которая учится в городах, имея доступ к Интернету, скачивает в свободном доступе музыку монгольских и российских тувинцев. Так, широкую популярность среди китайских тувинцев приобрела авторская песня монгольских тувинцев Өөкея Шанагаша и Кантөмүра Сарыглара «*Мен – тыва мен*» (Я – тувинец). Существуют и импровизационные варианты этой песни, в зависимости от места жительства поющего. Например, вместо слов: ...*Мөңгүн суглуг чурттуң уруу мен* «Я – дочь местности с серебряной рекой», могут вставлять: «... Я – дочь Ак-Хабы», «... Я – дочь Ханаса», «... Я – дочь Хома», что свидетельствует о ее неимоверной популярности.

Из песен тувинцев Россиикитайские тувинцы знают репертуар многих современных эстрадных исполнителей, а также известных фольклорных групп «Хун-Хурту», «Тыва кызы», «Чиргилчин». Нужно отметить, что в последние годы из-за доступности аппаратуры, аудионосителей эти песни распространяются среди тувинцев Китая. Аудиозаписи этих песен в последние годы часто можно услышать во время проведения коллективных и семейных обрядов. Несмотря на это, песенный репертуар тувинцев Китая пока не пополняется этими песнями, поскольку из-за наличия диалектных особенностей в произношении и речи российских тувинцев, понять смысл некоторых текстов песен им довольно трудно, тем более выучить эти тексты наизусть – задача довольно нелегкая.

Кроме того, поскольку тувинцы свободно владеют языками соседних народов, то в их песенном репертуаре имеются казахские, монгольские, китайские народные песни. Из этих песен предпочтение отдается монгольским. В некоторых национальных обрядах тувинцев существуют определенные запреты на исполнение иноэтничных песен. Например, по заведенной традиции, летом во время проведения заключительного этапа *баг мөөрейи* (состязание по стрельбе) каждый участник побежденной команды должен спеть песню члену победившей команды. При этом должны исполнять тувинскую или монгольскую песню, запрещено петь песни на казахском и китайском языках. Однако возможно исполнение песни на китайском языке только в одном случае: если это будет перевод тувинской или монгольской песни.

У китайских тувинцев до настоящего времени в полном виде представлен обрядовый цикл, где наблюдается неразрывная связь фольклорного слова и обрядового действия, их единая функция в ритуалах. В календарной обрядности особо выделяются три праздника: *Шагаа* – встреча Нового года по лунному календарю, в летний период – *оваадагыыры* (освящение обо), в осенне-зимнее время – *чула* (разжигание лампадки). В семейно-бытовой же обрядности китайские тувинцы проводят ритуалы детского цикла, придерживаются канонов свадебной обрядности, похоронно-поминальных обрядов, соблюдают традиционные установившиеся ритуалы. Произведения обрядового фольклора (*алгыш-йөрээл* – благопожелание, *мактал* – восхваление), включенные в структуру данного ритуального комплекса тувинцев, имеют четкую привязку к определенным этапам обряда, придают ритуалам осмысленность, сакральность и функциональную направленность. Поэтому роль словесного компонента в структуре и семантике этих ритуалов до сих пор чрезвычайно велика. Следует отметить, что здесь ни одно значимое событие в жизни человека, семьи или народа не проходит без соответствующих обрядов с исполнением благопожеланий. Разнообразна тематика благопожеланий (*алгыш-йөрээлдер*), обращенных к конкретному человеку с пожеланиями добра, наставлениями и советами на будущее, с положительной семантикой. Можно констатировать, что благопожелания остаются самыми востребованными и любимыми произведениями в обрядовом фольклоре тувинцев. В них до сих пор сохраняются традиционные каноны (санкционируются определенные нормы поведения, утверждается этническая система ценностей, устойчивая формульность художественно-изобразительных средств). К сожалению, *мактал-восхваление* теперь в большинстве случаев

исполняется на монгольском языке. Это объясняется тем, что во многих монгольских книгах даны тексты традиционных восхвалений, которые, как правило, выучиваются тувинцами.

В отличие от тувинцев России у китайских тувинцев присутствует танцевальная культура. Во время традиционных обрядов и праздников люди старшего поколения обычно исполняют *бий* – народный танец. По сведениям информантов, различаются женский и мужской танцы, подразделяемые на определенные виды: *хара чыраа*, *сыңсаалык* и др. С точки зрения изучения традиционной инструментальной культуры представляют интерес наигрыши на музыкальных инструментах *шоор*, *допиуур* и *илкиир*.

Традиция кочевников *мал алзыры* представлена в скотоводческих заговорах. Как и у российских тувинцев, в зависимости от пород домашних животных различаются и сами обрядовые тексты приучения матки животных к приплоду: приучение овцы к ягненку (*хой алзыры*), приучение козы к козленку (*ошкү алзыры*), приучение коровы к теленку (*инек алзыры*) (ср.: [Юша, 2009, с. 40]).

Из малых жанров фольклора в памяти носителей устной традиции функционируют *дывызык* (загадка) и *чечен*, *улегер сөс* (пословица, поговорка). В текстах пословиц и поговорок в лаконичной форме утверждаются моральные ценности тувинского народа: смелость, гостеприимство, настоящая дружба, взаимовыручка; вохваляются мастерство, искусство, трудолюбие; осуждаются человеческие пороки: хвастовство, трусость, лень, пьянство, болтливость, слабость, скупость, жадность. Есть случаи взаимовлияния малых жанров: благопожелания и паремии. Так, в контексте обряда носители культуры в некоторых случаях заменяют благопожелания полными текстами пословиц и поговорок, идиоматическими выражениями, которые также органично вписываются в обряды семейного цикла и служат таким же вербальным компонентом ритуала. Например, в пословице об уважении говорится так: *Улугну хүндүлээр, / Бичезин хэйирлээр // Старшего уважай, / Младшего опекай*. Это же выражение находим в благопожеланиях, произносимых на свадебном пиру или даже в обрядах детского цикла, выражая надежду на будущую достойную жизнь адресатов: *Улугнухүндүлөпчорсун, // Бичезин хэйирлөпчорсун / Взрослого пусть уважает, / Младшего пусть опекает*.

Таким образом, устное народное творчество тувинцев Китая до настоящего времени является достаточно живой и функционирующей системой традиционной культуры. Фольклорные произведения разных жанров демонстрируют единую общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой. Современное состояние фольклора китайских тувинцев характеризуется сохранностью многих жанров, устойчивостью и движением во времени, преемственностью фольклорной традиции, особенностями национального фольклорного языка, образностью многих поэтических формул, иллюстрирующих традиционное мировоззрение тувинцев, их взглядов на окружающий мир. Однако необходимо отметить и то, что у живущих в иноэтничном окружении тувинцев происходят процессы постепенной трансформации исконной культуры, некоторых мифологических представлений: в частности, китайской и монгольской, что иногда проявляется в проведении некоторых ритуалов. И в то же время в последние годы в связи с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга (просмотр художественных, научно-популярных, документальных фильмов, мультфильмов, передач для детей на других языках) наблюдается постепенное угасание некоторых жанров: героических сказаний, сказок. Суживаются рамки употребления *дывызык* (загадок), *улегер сөстөр* (пословиц и поговорок), *чер-дүптывылганын бурун хоочулары* (мифологических рассказов о происхождении Вселенной) подрастающим поколением. Активно бытующими фольклорными жанрами до настоящего времени являются произведения обрядовой поэзии *алгыш-йөрээлдер* (благопожелания), *ырлар*

(песенная лирика), повествовательные нарративы *тууку хоочулары* (исторические, генеалогические и топонимические предания). Описывая современную фольклорную ситуацию, информанты отмечали, что многие произведения устного народного творчества с уходом пожилых людей в памяти нынешнего поколения не сохранились из-за отсутствия национальной письменности. По их мнению, здешние народы, проживающие с ними по соседству казахи и монголы, благодаря своей национальной письменности смогли сохранить многие жанры фольклора.

Литература

Материалы, записанные во время экспедиций 2010 – 2012 гг. в населенных пунктах Алтайского аймака Ил-Казахской области Синьцзян-Уйгурского района Китайской Народной Республики.

Мифы, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. Новосибирск, 2010. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 28.)

Неклюдов С.Ю. Фольклорные традиции современного города. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/pdf. Дата обращения: 25.02.2013.

Полевые дневники экспедиций 2010 – 2012 гг. в КНР.

Рерих Ю.Н. Монголия. Путь завоевателей // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара, 1999.

Юша Ж.М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск, 2009.

Юша Ж.М. Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам комплексной экспедиции 2011 г.) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 24–29.